

Мария Головановская

В прошлом году в Марьенбаде

Лизе Леонской

Вспоминаешь, словно сытой рукой срезаешь мясо с кости. Мы сидим за чаем на открытой веранде, и она, одетая в легкое ситцевое платье в оранжевых крупных цветах, не сводит с меня своих темносинесерых глаз с густыми светлыми ресницами, и у меня от этого взгляда щекочет под ложечкой. Или еще. Мы гуляем по морю, я поглядываю на ее птичий, в золотых кудрях профиль, и она, спотыкаясь о неровности пляжа, о камни и коряги, как бы инстинктивно ища опоры, берет меня под руку, и мне кажется, что моя рука перестает быть моей, она холодеет и деревенеет, словно ветка, которая ждет, чтобы птичка присела на нее, и тогда все дерево затрепещет листьями, захрустит корой. Или еще. Мы уже уезжаем. Собраны вещи, закрыты ставни. Я иду проститься: "Мы уже уезжаем". – "Мы встретимся, как только я приеду. Ты будешь ждать меня?" И снова, и снова чувствуешь, как по телу разливается немислимая сладость, от которой трескаются губы, расширяются зрачки. Или еще. Мы играем в карты, кто-то принес сигареты, и в комнате – густое сизое облако. Она стоит за спиной, смотрит в мои карты и как бы невзначай гладит меня указательным пальцем по шее. Потом, чтобы лучше разглядеть карты, кладет руки мне на плечи и упирается подбородком мне в затылок. Я делаю вид, что меня увлекает игра, я развязно смеюсь, закуриваю, выдыхаю дым ей прямо в лицо, она просит меня подвинуться и садится рядом на стул, чтобы лучше видеть карты, и я краснею всем телом, всеми внутренностями, я накаляюсь, как спираль кипятильника, я чувствую, как по моему лицу катится пот, и, хохоча как можно громче, кидаю на стол дам и валетов, пики, трефы и козыри, опустошая тылы, обезоруживая атаку. Или еще. "Давай, я помогу тебе", – и она протягивает мне секатор. Мы вместе обрезаем сухие веточки на кустах и деревьях, я вижу ее в голубой листве, засматриваюсь, ранюсь секатором и с улыбкой на губах зажимаю пальцами кровоточащую рану. "Покажи!" – Она берет пораненный палец, на котором в багровых сгустках пенится кровь, и подносит его к губам... Или еще.

Кто сказал: "Это ничего не значит, это только слова!"" Слова! Капают по капле, шумят как дождь, шуршат как листья. Текут рекой, пенятся в бокале. Раздаются эхом, пульсируют в разросшейся до размеров пустой комнаты голове. Как туман над городом, сквозь запотевшие стекла, как туман над чужим городом... Громкая полемика в прокуренной комнате, скрип отодвигаемых стульев, музыка сквозняков и скрипящих окон! Кто сказал: "Это ничего не значит, это только слова!""

Может быть, кто-нибудь сказал ему? Позвонил или пришел? Так, за чашкой чая, подружески. Нет, не так. Он проснулся утром. Неуютный, ранний свет сквозь шторы. Замерзшие ноги под одеялом. Он понял сам. Где она? Тихо. Вышла на минутку? Ушла к портнихе, постукивая по мостовой каблучками? Вчера ушла и до сих пор не вернулась? Или, может быть, просто вышла на минутку? Нет, не так. Он понял сам. За чашкой чая. Смотрел вечером телевизор. Подошел к окну. Вдохнул воздух через открытую форточку. Посмотрел вниз. Он понял сам. Они сидели в кино. Она громко смеялась. Они что-то обсуждали по дороге домой. Он взял ее под руку, и она долго рассказывала ему о том, что было неделю назад. Он понял сам. Когда ехал домой, кутаясь в шарф и шевеля замерзшими пальцами в холодных перчатках. Нет, не так. Это был теплый вечер. Обычный, дождливый, летний (осенний?) день, кричали чайки, паромодик медленно подходил к причалу, все лавочки открыты, торговец коврами, как всегда, один в своем магазинчике допивает двадцатую чашку кофе, в ожидании того единственного в неделю, в месяц клиента, который, долго

выбирая и советуясь, наконец-то купит ковер, и снова недели и месяцы, дети поутру бегут в школу, мимо проезжают, порывкая, автомобили, хозяйки идут за покупками и возвращаются к полудню с корзинками, полными зелени и овощей. Блестят вымытые стекла витрин, по городу разбредаются продавцы газет, мы втроем в чужом городе.

Я увидел их за завтраком. Мы были втроем. Небольшая столовая в уютном пансионе. Они сидели за соседним столиком. Теплые булочки, масло, варенье. Масло тает на теплом хлебе. Мы были втроем. Они сидели за соседним столиком. Он – высокий, худощавый, с небольшим золотым перстеньком на указательном пальце. Аккуратные, чистые, маленькие белые руки. Пишет, рисует, шьет? Разговаривает по телефону с подчиненными? Спрашивает у хозяйки, откуда можно позвонить. Ему нужно позвонить. Он хочет позвонить. Он должен позвонить. Она отворачивается. Она не спрашивает, куда. Горло, замотанное шарфом. Ангина, простуда? Просто побаливает горло? Театр? Болит голова и никуда не хочется идти? Мы втроем в чужом городе. Нет, не так. Мы столкнулись еще в поезде. Мне нужно было пройти в конец вагона, а они стояли, обнявшись, у окна. Она дала мне пройти, и я сказал: "Спасибо". Он – высокий, худощавый, с небольшим золотым перстеньком на указательном пальце. Аккуратные, чистые, маленькие белые руки. Пишет, рисует, шьет? Он даже и не обнимал ее, просто стоял, опершись рукой о стенку. А она стояла под его рукой. Он, казалось, тысячу, сотни тысяч раз так стоял, опершись о стенку, а она стояла под его рукой. Нет, не так. Мы столкнулись еще на улице. Они что-то обсуждали, решали, стоит ли им здесь останавливаться. Тихо соглашались друг с другом. Им не нравилась лестница, ведущая в холл. Но потом... Нет, не так. Я сказал, что давно знаю это место. Недорого, чисто, близко от центра. Я видел вечером, как он брал в холле газеты. Мы впервые поздоровались. Гладкое лицо с ямочкой на подбородке. Прямые, с проседью, коротко стриженные волосы. Серые улыбающиеся глаза. Ему нужно позвонить. Он ищет хозяйку. Мы столкнулись вечером на улице. Он предложил пойти что-нибудь выпить. Когда они познакомились? Год назад? Месяц? Это их первый совместный уик-энд? Что же он ей сказал? Пришел с букетом, с бутылкой шампанского? "У тебя хорошо". Объятия, поцелуи в коридоре, капли дождя каплют с плаща на пол. Ужин в светлой столовой. "У тебя хорошо". Из окна – крыши, улицы, длинные ряды блестящих запаркованных машин. Цветы на подоконнике. Безупречно ровный, чистый, белый подоконник. На полу – мягкий ковер. "У тебя хорошо". Объятия и поцелуи. В кресле в столовой. У окна. На кухне, когда она ставила чайник. "У тебя хорошо".

Мы гуляем по морю, я поглядываю на ее птичий, в золотых кудрях профиль, и она, спотыкаясь о неровности пляжа, о камни и коряги, как бы инстинктивно ища опоры, берет меня под руку, и мне кажется, что моя рука перестает быть моей, она холодеет и деревенеет, словно ветка, которая ждет, чтобы птичка присела на нее. И тогда все дерево затрепещет листьями, захрустит корой.

Что же он ей сказал? "Я перееду к тебе через неделю. Мне нужно время, чтобы объясниться с женой. Мы прожили вместе двадцать лет, мне нужно время, чтобы объясниться". Объятия, поцелуи. В кресле в столовой, в коридоре, в уютной, полутемной спальне, с покрывалом и занавесками из одной материи. Руки гладят жесткие, прямые с проседью, коротко стриженные волосы. Губы целуют серые улыбающиеся глаза.

Мы допиваем кофе. Мы говорим о городе. Мы втроем в чужом городе. Типичный средневековый европейский городок, с узкими • живописными улочками. Он согласен, типичный европейский городок. Она грустно улыбается. Ей хочется завтра обойти все музеи. Она любит живопись. Что же здесь еще делать, как не ходить по музеям? Мы допиваем кофе. Что же он ей сказал? "Я живу с женой уже двадцать лет. У нас взрослые дети. Ты хочешь, чтобы я, как мальчишка, положил рубашки в чемодан и начал все сначала? Зачем тебе это?" Нет, не так. Он у нее никогда не был. Это их первый совместный уик-энд. Она не одна.

Он проснулся утром. Неуютный ранний свет сквозь шторы. Замерзшие ноги под

одеялом. Он понял сам. Где она? Тихо. Вышла на минутку? Ушла к портнихе, постукивая по мостовой каблучками? Он понял сам за чашкой чая. Когда сказала, что на уикэнд поедет к подруге за город. Мы вышли на улицу. Торговец коврами, как всегда, в своем магазинчике допивает двадцатую чашку кофе в ожидании того единственного в неделю, в месяц клиента, который, долго выбирая и советуясь... Что же он ей сказал? Мы втроем в чужом городе. "Ты хочешь, чтобы мы привыкли друг к другу, перестали радоваться, ты хочешь, чтобы я жил с тобой, как со своей женой? Ты хочешь разрушить чудо, волшебство, нереальность наших встреч, втоптать в повседневность то единственное, чему еще можно радоваться? Отвечай же!"

Кто сказал: "Это ничего не значит, это только слова!?" Слова! Капают по капле, шумят как дождь, несутся в ревущем потоке водопадов, оглушают и убаюкивают. Вот они! Везде, во всем, кишат как черви, разъедают, терзают неподдающуюся твердь, кто сказал: "Это ничего не значит, это только слова!?"

Это отнюдь не типичный средневековый европейский городок. Просто порт. Жаркое солнце, суда на приколе. Семивосьмиэтажные блочные дома. Грязный, шумный народ на улицах. Кабаки с неприличными рисунками на дверях. По городу ходят крепкие матросики с непременным крепким мужским духом, красными чисто вымытыми шеями, стройными напряженными торсами, жестко очерченными ягодицами. Челки, лбы, лица, наколки на руках, маленькое твердое ушко, "Керель". Громко смеются, сплевывают на тротуар, жаркое утро, суда на приколе, матросы дряют палубу под мутным взглядом любующегося капитана. Вонючая комнатка, тонкие картонные перегородки. Я слышу каждое их слово. Женщины в длинных юбках танцуют с пьяными моряками. Он – высокий, худощавый, с небольшим золотым перстеньком на указательном пальце. Коротко стриженные с проседью волосы. Смеющиеся серые глаза. Держит трактир? Торгует наркотиками? Нет, не так.

Он пришел ко мне утром. Она заболела. У нее болит горло. Не хочу ли я составить ему компанию прогуляться по городу? Мы выходим, идет дождь. Или нет. Светит солнце, по небу, словно огромные плоские рыбы, плывут облака. Он взял зонтик. Каменная лестница, кремовые каменные дома. Площадь с фонтаном. Тихое утро. Он хочет купить газету. Он идет, постукивая зонтиком по мостовой. Не хочу ли я вечером составить им компанию сыграть в карты? Она больна, у нее болит горло. Ему нужно позвонить. Не хочу ли я вечером сыграть с ними в карты? Что бы ее привлечь. А днем мы могли бы где-нибудь вместе пообедать. Нет, это не их первый совместный уик-энд. Так хочу ли я вечером сыграть в карты?

Мы играем в карты, кто-то принес сигареты. В комнате – густое сизое облако. Она стоит за спиной, смотрит в мои карты и как бы невзначай гладит меня указательным пальцем по шее. Потом, чтобы лучше разглядеть карты, кладет руки мне на плечи, и я краснею всем телом, я накаляюсь, как спираль кипятильника. Она сначала не хотела идти, говорила, что играть не будет. Я просил ее, она отказывалась. "Тогда и я не пойду". – "А ты иди". – "Без тебя не пойду". – "А почему ты не пойдешь? Почему? Объясни мне, почему?" Она сначала не хотела идти, говорила, что играть не будет. Я просил ее, мне хотелось, чтобы она была со мной и все видели, что она пришла именно со мной. "Тогда и я не пойду". Она согласилась. И когда мы входили в дом, я пропустил ее вперед, слегка подталкивая в спину.

Нет, это не их первый совместный уик-энд. Он не хочет оставаться с ней наедине. Что же он ей сказал? "Хорошо, если ты настаиваешь, пусть будет, как ты хочешь. Я не хочу, чтобы продолжался этот кошмар. Я перееду к тебе через неделю. Пусть будет, как ты хочешь. Но ты подумай, мы ведь с ней только друзья, мы прожили вместе двадцать лет. Неужели ты хочешь, чтобы я сломал свою жизнь, положил рубашки в чемодан, у нас взрослые дети". Ходят в школу, учатся в университетах? Давно уже не живут в большой светлой детской с обоями, на которых изображены гномики, не спят на двухэтажной

кровати? Тихая столовая с большими цветами в деревянных кадках, часы, отбивающие каждую половину часа, медный маятник. Кабинет с антикварными креслами, персидским ковром. Продавец ковров, как всегда, один в своей лавочке, допивает двадцатую чашечку кофе, поджидая того единственного в неделю, в месяц клиента, книги по стенам, письменный прибор на столе. На стене гравюры. Или картина маслом? Пишет, рисует, шьет? Курит, опершись рукой о подоконник? Общие друзья, собирающиеся по четвергам и воскресеньям на ужин. Мягкий голос жены, мурлыкающий по телефону. В ванной – халат, бритва, зубная щетка. "Хорошо, если ты настаиваешь, пусть будет так, как ты хочешь".

Кто сказал: "Это ничего не значит, это только слова!""? Слова! Кружатся в воздухе, танцуют, как мошкара над лампой, горят огнем, как волчья ягода в раскаленном сосновом бору, застывают, ложатся стопками на чердаки, забивают ящики стола, нижние ящики комода. Кто сказал? "Это ничего не значит, это только слова!""?

Утро отражается в каждой серо-зеленой кафелине ванной, всюду – сияние. Золотая струя вырывается из начищенного медного крана, дробится, рассыпается по ослепительно белой раковине умывальника. Закрываешь глаза, набираешь в ладони воду. Что же он ей сказал? Что?!

Она сидит вечером перед трюмо. Перед ней на полочке одеколон, лосьон, туалетная вода, ватные тампоны, кремы в белых массивных баночках. Помада, кисточки, тени. Она улыбается себе в зеркале. Втирает крем в кожу, проводит руками по волосам, очерчивает пальцем брови. Что же он ей сказал? Он пришел с букетом цветов. С бутылкой шампанского. Он обнял ее. "У тебя хорошо. Я еще никогда не был так счастлив". Покрывало и занавески из одной материи. Худые плечи. "Обещай мне не ревновать меня. Мы живем с женой уже двадцать лет. Мы просто друзья". Она сидит вечером перед трюмо. Промокает салфеткой крем. Находит себя постаревшей. "Это не кончится никогда, никогда!" Нет, не так. Он никогда у нее не был. Или был всего один раз, случайно, когда квартира была свободна. Она сказала ему об этом заранее. И он долго готовился к этому визиту. Потихому, чтобы не было заметно. Провел в ванной лишние десять минут. Провел ладонью по щекам. Как всегда ушел утром в бюро. Они встретились утром. Чудесный солнечный день. Кофе в больших чашках. Хлеб, масло, варенье. Масло тает на теплом хлебе. В ванной он наткнулся на длинный темный махровый халат. Чужой халат. Не его халат. Чужая бритва на полочке в ванной, чужой лосьон. Не его лосьон. Они расстались с улыбкой.

Мы сидели в кафе напротив пансиона и обедали. Они пригласили меня пообедать вместе с ними. Она говорила, что мясо подгорело и пересолено, а салат слишком жесткий. Ей все не нравилось. Она была раздражена. Они расспрашивали меня с интересом, они все время говорили со мной. Я что-то рассказывал, они смеялись. Им хотелось смеяться. Или нет. Они показывали, что заинтересованы в моем обществе. У нее на пальцах – ни одного кольца. Не хочет носить подаренное им кольцо? Не хочет носить никаких колец, чтобы не мешали воспоминания? У нее красивые, ровные пальцы. Пишет, рисует, шьет? Загибает складки, поливает цветы? Гладит коротко стриженные с проседью волосы? Помогает застегнуть манжеты?

"Давай я помогу тебе", – и она протягивает мне секатор. Мы вместе обрезаем сухие веточки на кустах и деревьях, я вижу ее в голубой листве, я засматриваюсь, ранюсь секатором, и она подносит к губам мой в бордовых сгустках пораненный палец. Я роняю секатор. Раскрытый секатор в земле. В траве под яблоней. Я целую ее в теплые волосы, в поднятые на меня удивленные глаза, в шею, в плечо, в лямку ситцевого в оранжевых крупных цветах сарафана. Она не знает, что ей делать. Она прижимается лбом к моему плечу. Я не знаю, как достать ее щеки, губы. Мы стоим так, изнемогая от неловкости, не решаясь разойтись, не понимая, как быть дальше. Нас спугнула птица, сорвавшаяся с соседнего дерева, которая с безумным криком бросилась прочь.

Матросы громко разговаривают, плюют на тротуар. Смотрят друг на друга воспаленными, полными презрения глазами. Рука на рукоятке. Ножи, финки, кортики, ласковые лезвия. Он каждый вечер грубо овладевал ею. Я слышал это через картонную перегородку. Потные плечи, волосы на затылке, вздувшиеся жилы на шее. Он каждый вечер грубо овладевал ею. Гадкий причал. Чайки жадно, оголтело набрасываются на плавающий по воде мусор. Матросы курят, кричат, драят палубу под мутным молчаливым взглядом капитана.

Между нами ничего не было. Нас спугнула птица. Между нами ничего не было. "Как ты посмел? Мы завтра же уезжаем". Собраны вещи, закрыты ставни.

Он понял сам. Смотрел телевизор, подошел к окну. Он понял сам. Когда она сказала, что поедет на уик-энд к подруге за город. Он спешно, с пульсирующими висками, потными руками открыл ее сумку. Она не взяла сапоги, теплые носки. За окном дождь. Будет гулять по промокшему, струящему как сумасшедший фонтан саду в туфельках и чулках? Он понял сам. Взял газету. Не сказал ни слова. Или нет. Он сказал ей, что советует взять теплые вещи, ведь на улице дождь (снег, метель?).

Кто сказал: "Это ничего не значит, это только слова!?" Капают по капле, шумят как дождь, рассыпаются в воздухе яркими фейерверками, душат, оглушают, сыплются как песок сквозь пальцы. Водят хороводы, кружат голову. "Мы встретимся, как только я приеду! Ты будешь ждать меня?"

Молчаливый воскресный обед. Позвякивают приборы. Взгляд – в тарелку. Форточка. Штора. Все как всегда по воскресеньям уже много лет подряд. Друзья два раза в неделю, по четвергам и воскресеньям. Карты, сигареты, вино? Разговоры о делах и о женщинах? О женщинах в присутствии жен? Нет, разговоры о политике и о делах. Первая ночь – первая черта. Он был у нее вчера. Когда квартира была свободна. Они целовались в коридоре, потом в столовой в кресле. Он ушел разбитый, разгромленный. Положит в чемодан рубашки? Захлестнули чувства ("Я никогда еще не был так счастлив"), уйдет от жены, с которой прожил двадцать лет? Он боялся встретить знакомых, он шел домой пешком, или нет, ехал домой на машине, мысленно сочиняя трагическую историю, чтобы оправдать заплаканное лицо перед женой. Молчаливый воскресный обед. Взгляд в тарелку. Неужели все ломать из-за краткого головокружительного удовольствия, которое длится всего секунду, между вдохом и выдохом? Он предложил жене пройтись. Взял с собой зонтик. По дороге купил газету. Шел, постукивая зонтиком по мостовой. Спокоен, тверд, уверен в себе. Или, может быть, он решил все еще раньше, прежде чем позвонить в ее дверь, предвидя, страхуясь?

Они не приходили целый день. Они не выходили из своей комнаты. Я не видел их и не говорил с ними. Вечером он зашел ко мне и сказал, что завтра утром они уезжают.

По дороге – за площадью с фонтаном – цветочный магазин. За стеклом в витрине – сухие зимние букеты, в огромной белой вазе – розы. На улице, перед магазинчиком, в небольших кувшинчиках ирисы, ландыши, крокусы, маки. В горшках – герань. Маки – с большими розовыми, поднятыми кверху языками, гвоздики, зеленые разлапистые веточки, астры с белыми серединами и острыми лезвиями растопыренных синих лепестков. Полноватая хозяйка в нарядном фартуке щеточкой сметает с прилавка комья грязи, протирает влажной тряпкой горшки и вазы, поправляет сбившиеся от ветра ценники. Мы втроем в чужом городе. Что же он ей сказал?

Шубы, меха. Стройные, пластмассовые черные и коричневые манекены. Без париков, с маленькими носами, близнецы, с немного вздернутой верхней губой. Песцы и норковые манто на голых плечах из коричневой пластмассы. Блузки и свитера, высокие воротники на молнии. Неужели из-за краткого головокружительного удовольствия, которое длится всего секунду, между вдохом и выдохом... Мы сидели на открытой веранде, и она, одетая в легкое ситцевое платье в оранжевых крупных цветах, не сводит с меня светлосинесерых глаз с

густыми светлыми ресницами и все рассказывает и рассказывает, водит пальцем по квадратам на скатерти. Большие плечи, узкий пояс, клетчатая юбка, высокие сапоги, шарф и юбка из одной материи. Узкие борты на пиджаках, рубашки в широкую полоску, книжный магазин, открытки в вертушках. Голова набита впечатлениями, как фотоаппарат туриста. В башне на площади бьют часы.

Красивые рассуждения на длинном стебле. Кто сказал: "Это ничего не значит, это только слова!?" Капают по капле. Шумят как дождь. Он расплатился с хозяйкой пансиона. Она пожелала им счастливого путешествия. Открытая форточка. Колеблющаяся фиолетовая в мелкую клетку занавеска. Холодные ноги под одеялом. Матросы драют палубу. Птичий в золотых кудрях профиль. Что же он ей сказал? Это их последний совместный уикэнд? Он завел мотор. Она села на заднее сиденье. Город в рождественской суете. Переливается огнями, утопает в запахах. В башне на площади бьют часы. Город в рождественской суете, музыка и голоса, бесконечная, кружащаяся, чарующая fuga, теплая, баюкающая, рождественские подарки, и ты, как всегда, с замирающим сердцем, развязываешь ленточку, разворачиваешь бумагу.